

Юнь Чжунцзы, словно прочитав его потаенные страхи, негромко произнес:

— Это отродье за версту чует мою силу и держится настороже. Боюсь, если я надавлю слишком сильно, пострадают невинные. К тому же Дацзи, чье тело заняла нечисть, еще окончательно не отошла в мир иной. Рука моя не может разить без оглядки.

«Бьет по крысе, боясь разбить вазу», — мелькнуло в голове у Инь Шоу.

— И... и что мне делать? — Голос Инь Шоу сорвался. Он мысленно вопил: «Не надо! Я не хочу никого убивать!»

Заметив, что Инь Шоу не в себе, Юнь Чжунцзы прошептал ему на ухо слова утешения, а затем коротко изложил план убийства. Тот застыл, словно изваяние. Он даже не заметил, когда и как даос покинул его покои.

Он смотрел на невзрачный Меч из соснового дерева в своих руках. Если это меч, он ведь должен уметь удлиняться? Стоило ему об этом подумать, как кусок дерева действительно вытянулся, приняв форму изящного клинка. Инь Шоу на мгновение задохнулся от восторга, но радость тут же погасла.

Он не хотел убивать Девятихвостого Лиса. Ни капли не хотел.

Какой смысл в этой расправе? Разве она исправит историю? Сплавит воедино расколотую страну? Заставит армию У-вана развернуться и уйти обратно в Сици? А как же восемьсот лет правления династии Чжоу? Они что, просто испарятся?

Инь Шоу прекрасно помнил, что поход Цзи Фа был велением самих Небес. Когда династия приближается к своему краху, смерть одной женщины — или лисицы — ничего не решит. Тем более что это чудовище явилось сюда по приказу самой богини Нюйвы.

С одной стороны — воля богини, с другой — неумолимый ход истории. Куда ни кинь, всюду клин. Есть ли смысл барахтаться?

К тому же Инь Шоу грызла куда более приземленная тревога: если он прикончит лиса, не ускорит ли это его собственную кончину? А если он умрет не в положенный срок, сможет ли он когда-нибудь вернуться в свой родной двадцать первый век?

Он всей душой ненавидел это проклятое место.

Инь Шоу заставил Меч из соснового дерева уменьшиться до размеров кинжала и спрятал его в широкий рукав.

— Сегодня в полночь. Сегодня в полночь... — бормотал он, направляясь к выходу.

Словами он убеждал себя, что не притронется к лису, но ноги сами несли его к покоям наложницы. Когда он очнулся, то обнаружил, что стоит прямо перед входом во дворец Дацзи.

Инь Шоу в панике хотел было развернуться и бежать, но тут к нему поспешил слуга.

— Великий Ван пришел! Ниннян как раз изволит обедать.

— О... — Инь Шоу заставил себя обернуться. — Что ж, отлично. Я как раз проголодался. Составлю любимой наложнице компанию.

Он переступил порог. Слуги уже успели доложить Дацзи о его прибытии, и она поспешила навстречу. Но стоило ей показаться в дверях, как ослепительная вспышка лазурного света ударила ее в грудь. Дацзи вскрикнула и бессильно повалилась навзничь.

— Любимая! — Инь Шоу бросился к ней, подхватив её.

Слуги в ужасе засуетились. Боковым зрением Инь Шоу заметил, как из покоев, сверкая пятками, выметаются несколько лисиц, но сделал вид, что ничего не видит. Он перенес Дацзи на кровать.

Удар Меча из соснового дерева оказался сокрушительным — Дацзи едва не выплюнула кровь. Раньше она лишь притворялась немощной, теперь же притворство стало горькой правдой.

Сила Меча из соснового дерева, спрятанного у Инь Шоу, была столь велика, что Синьюэ Ху едва не лишился человеческого облика. В его душе клокотала лютая ненависть, но сейчас все силы уходили лишь на то, чтобы не превратиться обратно в зверя на глазах у всех. Он не мог даже обрушить на Инь Шоу свой гнев — лишь смотрел на него огромными, влажными глазами, полными невыразимой скорби.

Он был похож на умирающего пса. Зрелище было настолько жалким, что Инь Шоу отвел взгляд. Он и представить не мог, что это оружие будет так мучить лиса. Желание убивать окончательно испарилось.

— Любимая наложница нездорова. Тебе нужно хорошенько отдохнуть.

Он неловко похлопал ее по руке, вскочил и буквально вылетел из комнаты.

Лишь когда Инь Шоу скрылся, Дацзи стало легче дышать. Она приказала задернуть полог и выставить всех вон. Когда в покоях воцарилась тишина, Синьюэ Ху наконец сбросил личину. Ослабевший белый лис припал к подушкам рядом с Дацзи. Он смотрел с мрачной

задумчивостью.

Он прекрасно понял, кто подсунул Чжоу-вану этот артефакт. Паршивый даос! Силен, ничего не скажешь.

Синьюэ Ху знал, что эти святоши гордятся своим милосердием и никогда не поднимут руку на человека. «Хе», — лис холодно взглянул на бледное лицо Дацзи. Похоже, решение оставить ей жизнь было верным — это стало его щитом.

Отойдя на приличное расстояние от дворца Дацзи, Инь Шоу выудил из рукава Меч из соснового дерева. «А вещица-то стоящая», — подумал он. Даже просто находясь рядом, он разогнал всю лисью свору. Решив не убивать Девятихвостого, он оставил меч себе как оберег. Кто знает, не затаит ли лис на него злобу после такой «встречи»? Против демона обычный человек — ничто.

К полуночи ничего не произошло. Инь Шоу мирно спал.

Юнь Чжунцзы, поняв, что Чжоу-ван не решился на убийство, лишь тяжело вздохнул. Похоже, владычеству дома Шан, длившемуся двадцать восемь поколений, суждено прерваться именно сейчас.

Синьюэ Ху же теперь смертельно боялся и магического клинка, и даоса, которого пригрел Чжоу-ван. Он не отходил от постели Дацзи ни на шаг, позабыв о коварных планах. Наступила ночь полнолуния пятнадцатого дня седьмого месяца, но Лис даже не помышлял о поездке на Лутай. На террасе веселились другие оборотни, а во дворце Дацзи царила могильная тишина.

Инь Шоу, зная силу Меча из соснового дерева, тоже не спешил наносить визиты, чтобы не мучить наложницу. Его жизнь стала спокойнее. Он верил, что теперь Дацзи будет держаться от него подальше — чего он и добивался. Радость от обретенной свободы наполнила его сердце, и затянувшаяся хандра наконец отступила.

После праздника Чжунъюань Инь Шоу стал все чаще призывать к себе Чэнь Сяочэня. Они даже начали тайно покидать дворец, переодевшись в простые одежды, чтобы посмотреть, как живут люди.

За стенами дворца раскинулось царство абсолютной власти.

Инь Шоу смотрел на изможденные лица простых людей, и сердце его сжималось. По улицам маршировали солдаты, конвоируя закованных в цепи рабов. На рынке у торговцев не было и тени улыбки, а прохожие выглядели так, словно несли на плечах непосильный груз. Чаогэ был городом скорби.

— Рабовладельческий строй... — не удержавшись, прошептал Инь Шоу.

— Что ты сказал? — Чэнь Сяочэнь резко обернулся к Чжоу-вану, он был изумлен. — Ты сказал... рабовладельческий строй?

— Кхм! — Инь Шоу неловко кашлянул. — Ничего-ничего. Так, мысли вслух.

— Социализм? Коммунизм? — осторожно прощупал почву Чэнь Сяочэнь.

Теперь настала очередь Инь Шоу столбенеть. Он вытаращился на спутника, оглядывая его с головы до ног, будто видел впервые.

— Ты... Что ты сейчас сказал?!

Они стояли посреди людной улицы и смотрели друг на друга. В головах обоих словно взорвалась бомба.

Чэнь Сяочэнь первым пришел в себя. Он нервно хохотнул и выдал:

— Проверим пароль... Небо закрой, земля закрой — небо в тумане?

— Земля в огне! Тьфу! — Инь Шоу на мгновение замялся, а потом выпалил классическое: — Тянь-ван гай ди-ху!

— Бао-та чжэнь хэ-яо! Ха-ха! Ха-ха-ха! — взревел Инь Шоу, смеясь как безумный.

На этой унылой улице два человека хохотали до икоты, пугая прохожих. Чэнь Сяочэнь схватил Инь Шоу за руку:

— Великий... Великий Ван, пойдем скорее ко мне! Нам нужно СРОЧНО поговорить!

— Да, да! Пошли! — Инь Шоу согласно закивал, как заведенный.

За ними тенью следовал верзила Э Лай. У него были стальные мышцы, но весьма скромные умственные способности. Он совершенно не понимал, что за комедию ломают эти двое, но приказ есть приказ.

Они добрались до дома Чэнь Сяочэня. Поместье было небольшим: уютный дворик, пара слуг — скромно, но со вкусом. В саду благоухали цветы, а в пруду лениво плескались рыбы.

— А ты неплохо устроился, — заметил Инь Шоу. — Настоящий райский уголок.

Теперь, когда карты были раскрыты, Чэнь Сяочэнь отбросил церемонии:

— Куда уж мне до твоего дворца. Так, берлога.

Они прошли в кабинет. Чэнь велел подать чай, а Инь Шоу отослал Э Лая «погулять» во дворе. Тот привычно замер у входа, подпирая плечом косяк.

Оставшись наедине, Инь Шоу отбросил чопорную позу, развалившись на циновке поудобнее. Чэнь последовал его примеру.

Инь Шоу отхлебнул чаю и посмотрел собеседнику прямо в глаза.

— Когда ты переместился?

— Два года назад, — ответил Чэнь Тяньюй.

— Так давно? — Инь Шоу был поражен.

— А ты? — спросил Чэнь.

— Месяц назад. — Инь Шоу вздохнул. — Если честно, я до сих пор жду, когда проснусь.

— О, как я тебя понимаю, — сочувственно кивнул Чэнь. — Первое время я думал, что свихнусь. Кричал в пустоту, звал на помощь... Потом привык. К счастью, мой предшественник занимался только обрядами жертвоприношения. Если бы я попал на место военачальника или министра, мне бы давно голову отрубили.

— Чжоу-ван действительно был тем еще тираном, — согласился Инь Шоу. — Я сам не понял, как оказался в его шкуре. Ты ведь знаешь историю... Ему скоро конец.

— Он заслужил свой конец, — отрезал Чэнь.

Инь Шоу замялся:

— Послушай... Как думаешь, если Чжоу-ван умрет, я смогу вернуться?

Чэнь Тяньюй печально покачал головой:

— Кто знает.

Они помолчали.

— А как ты попал сюда? — прервал тишину Инь Шоу. — Молния?

— Сам не пойму. Я был в открытом море на яхте, начался шторм, цунами... Очнулся уже здесь. Как будто прожил прошлую жизнь в другом измерении.

— А кем ты был там? В наше время?

— Я? — Чэнь горько усмехнулся. — Обычный прожигатель жизни. Богатый наследник, который ни дня в жизни не работал. А ты?

— А я самый обыкновенный работяга. Работал в зоопарке, за пандами ухаживал.

— погоди, ты вначале спросил про молнию... Тебя что, реально током шарахнуло?

— Ага. — Инь Шоу почувствовал себя неловко и снова уткнулся в чашку.

— Мы даже не представились по-человечески. Давай заново. Меня зовут Чэнь Тяньюй.

Он макнул палец в чай и вывел на столе три упрощённых иероглифа.

— Давно я не видел этого имени. Почти забыл. Хотя Чэнь Сяочэнь тоже звучит неплохо.

— А я — Инь Шоу. — Ван повторил его жест, старательно выводя свое имя.

— Инь Шоу? — Чэнь Тяньюй нахмурился, глядя на стол. — Если убрать ключ «нить», получится Инь Шоу... То самое имя Чжоу-вана.

— Не совсем, — мягко поправил его Инь Шоу. — Фамилия Чжоу-вана была Цзы, а звали его Шоу. Так что по-настоящему он — Цзы Шоу. А я именно Инь Шоу. Из двадцать первого века.

<http://bllate.org/book/17393/1657456>